

ДЯДЯ ОЛЕГ

[Светлана Лютова](#)

Часть того, что я могу рассказать о младшем брате моей бабушки, Олеге Борисовиче Маркове (1916-1987), сказана в эссе о тёте Вале, его второй жене (см. ниже, стр. 3). Но начну вот с чего...

В детстве Олег прославился как первый драчун и голубятник в Черкизове. Должно быть, был он и выдающимся сердцеедом, так как известно, что школьные уроки за него делали две юные поклонницы. И для того, чтобы хорошо учиться, Олегу было достаточно перед школой просмотреть сделанное «рабынями» накануне.

Но, видимо, после школы пути этой троицы разошлись, так как, в отличие от брата с сестрой, высшим образованием Олег себя не стал обременять.

Помню своё детское изумление от первой встречи с «Дядялегом»: громогласный прихрамывающий великан гуляет со мной по нашему дачному саду («так вот что такое бабушкин брат»!).

У Олега был грубый, хриплый голос и одна особенность речи: он пересыпал её, используя малейшую паузу, риторическим вопросом «понял?». От частого употребления словечко превратилось в совсем нечленораздельное, взрывное и гнусавое междометие.

Работая, кажется, электриком на мебельной фабрике, дядя Олег однажды подарил мне низенькую скамеечку с полированным верхом – «столешницей», – скамеечка долго потом служила письменным столом моей кукле. А нашей дворняжке грозил: «Сдам на мясокомбинат!» – имея в виду, что хозяева перекормили собачку.

Мы общались, пока была жива бабушка, и после её смерти ещё несколько лет... Но почему-то, когда я подросла, обмен звонками и впечатляющие поездки в Марьину Рощу «смотреть с крыши салют» прекратились.

И вдруг по почте пришла большая чёрно-белая фотография, художественная, из фотоателье, с лаконичной дарственной надписью, на которой осунувшийся и постаревший дядя Олег предстал в костюме и при всех своих боевых орденах (Финскую и Великую Отечественную прошёл солдатом, закончил войну в Германии). Такое же фото получила по почте его старшая дочь.

Мама встревожилась, бросилась к Олегу, и в оставшиеся два года его жизни интенсивность общения с ним и тётёй Валей восстановилась.

Олег иногда звонил племяннице, жаловался на тиранию домашних, когда те не слышали, жену обзывал «фашисткой». Но семейные его увлечения были исключительно миролюбивы: страстный голубятник в детстве, теперь Олег занимался своим роскошным аквариумом и тренировал кенара – на радость маленькой внучке, живущей с ними.

Олег теперь, правда, часто болел, но боевой дух его остался крепок: попадая в больницы, старик скандалил и раз даже был выдворен за нарушение режима. На старости лет получив машину как инвалид войны, Олег в неё просто влюбился и страшно лихачил, пугая родственников. Это несмотря на перенесённую только что операцию на глазах!

Но вот последнего бабушкиного брата не стало. Зимой, в самый день его рождения, как неожиданно выяснилось из документов (всю жизнь дядя Олег Рождение праздновал в православное Рождество, - из-за чего вышла путаница, никто уже не понимал... может, из-за перевода календаря на «новый стиль» просто?).

С военными орденами дяди Олега оказалась связана после его смерти гадкая и нелепая история. Наградями Олег гордился, они, как и боевые раны, доказывали, что отвага его – не просто гонор жожака черкизовской шпаны.

И вот мы все в день похорон стоим у гроба Олега в церкви на отпевании. Тётя Валя, неукоснительно соблюдавшая, вопреки тогдашней моде, православную обрядность, сочла это нужным. Одна из чёрных теней, снующих в полумраке церкви, подходит к нам и оказывается молодой монашкой. Она что-то резко и быстро шепчет...

Мы даже не сразу смогли понять, чего она хочет! Черница требовала снять орденские планки с пиджака Олега, мол, на Тот Свет с собой не возьмёт. «Не ты надела, не тебе снимать!» – ответили ей и ордена, конечно, отстояли. Но так кощунственно показалось это посягательство на боевую суть Олегову при такой полной теперь (впервые) его безответности! Хочется верить, что личная инициатива той бледной монахини противоречила православному отношению к воинам...

Сама Смерть в её лице нацелила когти на честь Олега, на память о нём. Не иначе – после того, как покойный «хулиган» плюнул в её пустые глазницы во время отпевания!

Внук же и полный тёзка Олега, отличник и сорвиголова, принялся доводить до истерики учителей, пойдя на следующий год в первый класс. Вскоре после смерти бабушки родилась последняя его внучка.

* * *

ТЁТЯ ВАЛЯ

Никакая мне не тётя, вообще даже не кровная, но любимая родственница – вторая жена двоюродного деда.

Дядя Олег, младший брат моей бабушки, ушёл жить к тёте Вале вскоре после войны. Он бросил жену, дождавшуюся его с фронта, и бабка моя, возмущённая этим, знакомиться с Валентиной не желала.

Увидела её впервые, когда та, закутанная в немислимый драный платок, вся больная, явилась к ней в институт просить денег на выкуп: Олега арестовали за «кустарный промысел». Деньги были найдены, выкуп, как и знакомство, состоялись.

Мать моя впервые переступила порог Валиного домика в Марьиной Роще с вестью о смерти своего дяди – Олега брата Кесаря (в 1961 году). Туда же, в Марьину Рощу, только не в деревянный, а в новый многоэтажный дом, когда-то привезли впервые и меня.

В гости мы собирались обычно на майские праздники... Никогда не говорилось «к дяде Олегу» – большому, хромому (инвалид войны), грубоватому и страшноватому, – всегда только «к тёте Вале».

А рощи Марьиной никакой не было (рощи, где цветёт иван-дамарья, представлялось мне). Были старые дома московского Центра, среди которых в зелёном дворе взметнулась «тетьвалина» башня.

Всё квартирное пространство, казалось мне, было заполнено людьми (не просто людьми, а... родственниками!) и теснилось по сторонам необъятного стола, сплошь уставленного. (Кроме стола, впрочем, вырисовывался ещё где-то в другой комнате столь же громадный и таинственно подсвеченный аквариум – хозяйство Олега).

В этой квартире всегда... «пахло гостями»: аромат накрытого праздничного стола – салатов, пирогов и каких-то пряных рассолов – смешивался с табачным дымом, тянувшимся через открытую дверь с балкона в душистом майском сквознячке.

«Запах гостей» кружит мне голову ощущением несказанного счастья по сей день. Думаю, потому, что к чарам яств и курений примешивались в том доме чары самой хозяйки.

Маленькая, лёгкая, вся какая-то острая, как птица, тётя Валя открывала дверь, впуская нас. И я, сколь бы мало лет мне не было, тотчас превращалась в громоздкого застенчивого увальня рядом с её чёткой фигуркой, всегда стянутой в талии тесёмками передника.

Стриженные чёрные с проседью волосы осеняли лоб двумя жёсткими взмахами. Надломленные крылья бровей круто взвились и застыли, будто в крайнем изумлении, высоко над тяжёлой оправой очков, за толстыми стёклами которых темно и невнятно, матово, мерцали огромные глаза. Длинноватый, с чуть загнутым кончиком, нос и тонкие губы довершали портрет.

Звучала приветственно её неповторимая речь: напевно, сильно «в нос», вся на какой-то внутренней вибрации – смесь бесстрастного кошачьего урчания и резкого птичьего клика...

Помимо своей квартиры, тётя Валя почему-то владела ещё и крышей. Собственно, мы и ехали на праздники к тёте Вале «смотреть с крыши салют». Тётя Валя хранила у себя ключи от лаза на крышу своего дома и угощала необычной прогулкой всех желающих.

Гости разбредались по пустынной равнине, залитой только свечением густого неба. Ветер поднимал от земли весенние запахи и звуки, с шелестом окутывал нас ими. Внизу во все стороны рассыпалась огнями Москва... У горизонта же, едва различимого, пробивались в нескольких местах цветные фонтанчики фейерверка. Они были столь ирреальны и несоизмеримы с величием панорамы, что даже не отвлекали от погружения в этот синий безбрежный покой.

Последний раз я была у неё уже 20-летней девушкой... Не в мае, а в январе. Стояли рождественские морозы, и все торопливо бежали от мёрзлой ямы «во чистом поле» заснеженного кладбища, где оставили только что дядю Олега. Все бежали в живое и щедрое тепло Марьиной Рощи, превращающее, казалось мне, даже поминки в праздник.

Валя была такая же, как всегда: курила, не переставая, подавала на стол, шутила («Мам, и от кого ты его родила?!» – дочь, указывая на старшего из братьев. «Что ж я? помню, что ли?!» – величественный ответ... и короткий взгляд на сына, уже немолодого, единственного, похожего на неё).

Только в одной полуфразе её («Не надо сейчас... не надо») ужасом глянула та мёрзлая яма, тот «тар-тарары», куда готово обрушиться всё, стоит только тётё Вале позволить сбить себя с ритма.

Валя держала себя, как обычно... Но каким загадочным это «обычно» мне казалось всегда! Я знала, что она одна готовит свои пиры. С большим искусством и с любовью, видимо... Но в ней вовсе не было привычного радушия или хотя бы кокетливой скромности хлебосольной хозяйки. Угощая и разделяя трапезу, она казалась отрешённой, как Василиса Премудрая от своего хлеба и царского пира! Будто не она, а «мамки-няньки» сотворили и подают всё это. Блюда говорили сами за себя, Валя же пускала дымок сигареты, не снисходя к пиршеству, неуловимая и резкая, как этот дымок.

Она не хозяйничала, а царила за своим столом, спокойная, свободная в разговоре, немногословная. Она «не имела отношения» ко всему, что тут происходит, но в этой отстранённости не было ни надменности, ни пренебрежения.

Когда я уже повзрослела и устраивала собственные «приёмы», чета моих недавних знакомых неожиданно отозвалась примерно в тех же выражениях о моём стиле. Ни о какой тётё Вале они, разумеется, не знали. Их слова прозвучали для меня лучшим – неожиданным, незаслуженным! – комплиментом. Значит, не подозревая того, я копировала тётю Валю и, значит, мне её роль удалась?

Так же, как не верилось, что готовка – её рук дело, всегда казалось невероятным, что она – мать своим (и Олеговым) младшим детям... Этот плотный усатый, как бобёр, парень – её сын? А та кругленькая блондинка – дочь?..

Но она была матерью, – и им двоим, и старшему своему сыну, и своему племяннику, которого в войну забрала к себе после смерти сестры.

Из всех «детей» на похоронах Олега не было лишь его первой, не Валиной, дочери, так и не простившей того давнего «приворота» её отца, Валиного колдовства.

Колдовство было в тётё Вале... Тайна... Но тайна эта никак себя не являла, сколько ни караулила я её, ни подстерегала, вслушиваясь в слова и интонации её речи. В интонациях была, в словах – нет. Слова были о хозяйстве, болезнях, о внуках и взрослых детях... Помню каких-то китайцев из её рассказа, живших в Марьиной Роще...

Валя не хотела подать мне даже знака из того иного мира, которому, бесспорно, принадлежала. Но тонкий аромат шарма неистребимо вился вокруг неё, струился надо всем в доме, отстраняя без усилия и возврата от того, что она делала и говорила.

На меня как на одушевлённое существо тётя Валя взглянула единственный раз, в самый последний миг нашего с ней знакомства. Она стояла в дверях квартиры, мать моя, уже подталкивая меня к лифту, что-то щебетала, прощаясь... И про меня: «...она так вас любит!» «Да? Что ж не заходит?..» – впервые с интересом глянула на меня Валя. Но тут же погасила взгляд, наткнувшись на мою защитную мину, переводящую бестактно сказанное мамой из области любви в область любезности. Двери лифта закрылись.

Ещё раз, впрочем, я слышала её. Почти четыре месяца спустя я подслушивала Валин телефонный разговор с моей матерью (всё в той же надежде ухватить Тайну за кончик хвоста).

Говорили долго... Мама хвалила её пасхальные куличи (плотные и не черствеющие), тётя Валя шутливо досадовала, что Олегу и на том свете неймётся: снится ей каждую ночь! Тайна, увы, мне хвоста не казала.

Разговор этот пришёлся на майские праздники... в канун «тётъвалиной» смерти.

Её дочь рассказывала: «В то утро собрались у матери приятельницы – пили кофе, курили, болтали. А вечером, теряя сознание навсегда, та только и успела, что название лекарства шепнуть».

На эти похороны я не поехала: дом без тёти Вали был невыносим. А мама, бывшая на них, говорила, что тётя Валя в гробу будто помолодела, лик сиял! Даже старуха-соседка, когда выносили, ахнула: «Была красавица, красавица и осталась!»

После отпевания в церкви сияние угасло...